

НЕКОТОРЫЕ ДРЕВНЕИНДИЙСКИЕ АНАЛОГИИ К «МОТИВУ МЕЛЮЗИНЫ» В СКАЗАНИЯХ О РОЖДЕНИИ НАРТА БАТРАЗА

Дарчиев А. В.

ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВШЦ РАН и Правительства РСО-Алания (362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10), e-mail: dar-anzor@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению так называемого «мотива Мелюзины» в сказаниях о рождении Батраза, одного из главных героев осетинской нартиады. Содержание данного мотива заключается в недопустимости насмешек и оскорблений в адрес матери героя. Однако этот запрет соблюсти не удаётся, и оскорблённая мать ещё не родившегося Батраза уходит в отеческий дом. Род, из которого происходит мать Батраза, по ряду признаков соотносится с муравьями, что позволяет выявить некоторые аналогии данному мотиву в древнеиндийской мифологии. В «Ригведе» известен эпизод об оскорблении, нанесённом Индрой муравьяхе, которую он лишил жилья (укрытия, одежды). В трансформированном виде этот эпизод присутствует в «Махабхарате», где Индра оскорбляет мудрецов-карликов валакхилья, также представляющих собой вариацию муравьёв. Сопоставление нартовского мотива с приведёнными примерами из древнеиндийской мифологии обнаруживает определённое сходство между ними. В обоих случаях великий герой / божество наносит оскорбление малому созданию, очевидно, выступавшему первоначально в образе муравья, таким образом, здесь реализуется бинарная оппозиция «малый – большой», лежащая в основе многих архаичных мифов. Присутствие данного мотива как в цикле сказаний о Батразе, так и в представлениях о ведийском Индре, дополняет и усиливает давно отмеченную близость этих персонажей.

Ключевые слова: эпос, нарты, ведийская мифология, Батраз, Индра, бинарная оппозиция, «мотив Мелюзины», муравьи, валакхилья.

SOME ANCIENT INDIAN ANALOGY TO THE “MELUSINE MOTIF” IN THE LEGENDS OF THE BIRTH OF NART BATRAZ

Darchiey A. V.

FGBUN "The North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies of V. I. Abayev of VNTS Russian Academy of Sciences and Government of North Ossetia-Alania", Vladikavkaz, Russia (362040 Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Prospect Mira, 10), e-mail: dar-anzor@yandex.ru

The article is devoted to the so-called Melusine Motif in the stories of the birth of Batraz, one of the protagonists of the Ossetian Nart saga. This motif is about the inadmissibility of mocking and insulting the mother of a hero. However, the prohibition is failed to comply with, and outraged mother of the unborn Batraz goes to her parents' home. The family where Batraz' mother comes from is related to ants by a number of features, which reveals some similarities to this motif in ancient Indian mythology. In the Rigveda there is an episode about Indra insulting a she-ant, which he deprived of housing (shelter, clothing). Another modification of this episode is present in the Mahabharata, where Indra offends the wise Valakhilya dwarves, who also represent a variation of the ants. Comparison of the Nartian motif with the examples of the ancient Indian mythology reveals some similarities between them. In both cases, the great hero / deity insults a humble creature, which must have originally had the form of an ant. Thus, like in many other archaic myths, there is the binary opposition 'small - big'. The presence of this motif both in the Batraz cycle and in the perception of the Vedic Indra complements and enhances the proximity of these characters, which was noticed long ago.

Keywords: epos, Narts, Vedic Mythology, Batraz, Indra, binary opposition, Melusine Motif, ants, Valakhilya.

Один из главных персонажей осетинской нартиады – Батраз – обладает не только огромной мощью, но и некоторыми магическими свойствами. Уже отмечавшаяся способность Батраза к превращению в муравья дополняет многочисленные аналогии, сближающие его с ведийским богом грозы и войны Индрой, который также принимает этот зооморфный образ в противоборстве с врагами [4, с. 61-65; 3, с. 28-39]. Мифологическая

сущность мотива о превращении Индры в муравья блестяще раскрыта в специальной статье В.Н. Топорова [11]. Ученый рассматривает его в контексте так называемого основного индоевропейского мифа, где «идея превращения «разыгрывается» во всей полноте вариантов (как предельно контрастных, так и последовательно градуальных), реализующих такие темы, как противопоставление большого и малого, неба и земли, и связь между ними путем серии переходов» [11, с. 327]. Иными словами, в данном ведийском мотиве обыгрывается одна из тех бинарных оппозиций, которые составляют структурную основу большинства архаичных мифов: «малое – большое». Одолеть «стремящегося к небу», «возросшего и растущего (еще) врага» Индра сумел при помощи не аналогичного (хотя его способность возрастать, наполняя собой вселенную известна из других мест Ригведы: см., например, IV, 18, 5), а прямо противоположного действия – уменьшения до предельно малого вида.

Однако в Ригведе (X, 99, 5) связанная с Индрой «муравьиная» тема обнаруживает один инверсированный мотив, в котором Индра сам вступает в конфликт с муравьихой [11 с. 329], лишив её укрытия [15, s. 483-484] или, согласно другому толкованию, одежды, формы, облика [13, s. 311].

Мотив, содержание которого в более общем виде можно обозначить как «обида, наносимая Индрой малому созданию», сохраняется в постведийский период и получает более детальную разработку в «Махабхарате». Речь идёт об известном эпизоде конфликта между Индрой и валакхильями. В древнеиндийской мифологии валакхильи – мудрые карлики величиной с большой палец руки каждый, почитаемые за чистоту и добродетель. Считается, что насмешка над валакхильями не проходит безнаказанной даже для богов [2, с. 211]. В «Махабхарате» (I, 27) рассказывается о том, как великий мудрец Кашьяпа, желая обрести потомство, совершал жертвоприношение и попросил Индру, а также отшельников валакхильев, принести жертвенного топлива: «Однажды, когда Кашьяпа, владыка тварей, желая (приобрести) потомство, совершал жертвоприношение, риши, боги и гандхарвы оказали ему помощь. И Кашьяпа приказал тогда Индре, а также отшельникам валакхильям и тем, кои принадлежали к другим племенам богов, принести жертвенного топлива. И властитель Шакра (*т.е. Индра – А.Д.*) взял по своим силам ношу дров, подобную горе, и понес ее без малейшего труда. Вот он увидел по дороге маленьких риши ростом с большой палец, которые несли вместе один стебелек от (листа) дерева палаша. Они были тощи телом, так как вследствие многочисленных аскетических подвигов были лишены пищи. Слабосильные, они очень страдали, (попав) в след от копыта коровы, наполненный водою. И охваченный изумлением Пурандара (*т.е. Индра – А.Д.*), гордый своей силой, посмеялся над ними и быстро прошел мимо, с пренебрежением перескочив через них. Тогда они сильно разгневались и опечалились. И предприняли они тогда великое дело, которое привело в ужас

Шакру» [6, с. 97-98]. Оскорблённые и разгневанные валакхильи предались суровой аскезе, вследствие которой Винатой, супругой Кашьяпы, был рождён грозный противник Индры владыка пернатых Гаруда [6, с. 98-99]. Итак, громовержец Индра и здесь наносит обиду малым существам, но должен претерпеть за это наказание от маленьких, но очень гневных созданий.

В эпосе, где образ Индры отличается амбивалентностью [9, с. 63], смысл обиды целиком перемещается в этическую плоскость и состоит в высокомерной насмешке Индры над малостью и бессилием крошечных праведников. А. Губернатис, сопоставив этот сюжет «Махабхараты» с фольклорными текстами о помощи благородных героев тонущим муравьям, приходит к выводу, что валакхильи являются вариацией муравьёв: “Die Zwerg-Einsiedler, welche ein Blatt auf einem Karren fortschaften und beinah’ in dem Wasser, das in der Fussspur einer Kuh steht, ertrinken, und die Indra fluchen, welcher lächelnd vorbeigeht, ohne ihnen zu helfen, im Mahâbhârata sind eine Variation dieser selben Ameisen” («Маленькие отшельники, тянувшие один лист на тележке и едва не утонувшие в заполненном водой следе от коровьего копыта, а также предавшие проклятью Индру, который, смеясь, прошёл мимо и не оказал им никакой помощи, являются в Махабхарате вариацией этих самых муравьёв») [14 s. 373]. Действительно, разве едва заметные в траве создания, тянущие стебелёк, – не зримый образ муравьёв? «Муравьиные» элементы данного эпизода прослеживаются в имени Винаты, означающем собственно «Муравья» [10, с. 124], которая по молитве разгневанных валакхильев родила Гаруду. Возможно, следует упомянуть и значение имени сына Гаруды – Вальмики – «Муравейник» [10 с. 102].

Что даёт для понимания данного мотива нартовский эпос? Способность Батраза к превращению в муравья определённым образом связана с его происхождением. Отец Батраза – прославленный нарт Хамыц, а мать из рода малорослых людей (в разных вариантах они выступают под разными именами: Быцены, Камбадата и т. д.), живущих под землей. Для нашей темы особую важность представляет один из вариантов сказания о женитьбе Хамыца, по которому входом в их подземное жилище является муравейник. Хамыц встречает охотника из племени малорослых людей Камбадата и, пораженный его силой и ловкостью, желает породниться с ним, взяв в жены девушку из этого племени. Маленький охотник соглашается и объясняет Хамыцу, как найти его жилище: “Лигъз будурмае ку рахъартан, уадта мае еу къах фарсмае дардзанаен, ’ма занхае ауадзэгангае цаудзанаей сауангае мулдзугути гобати уангае. Гъе уоми ба дин занхи буни — мае хадзарае” («Когда доберусь до чистого поля, отведу в сторону ногу и поеду, оставляя её борозду вплоть до самого муравейника. Вот там, под землей, и находится мой дом») [7, с. 447]. В назначенный день нарты отправились к подземным жителям за своей невестой: “Ауадзэбэл цаун

байдадтәнцә 'ма еу мулдзугути гобатмә бахъæрдтәнцә. Загъд син куд адтæй, уомæ гæсгæ уоми æрлаудтәнцæ: сæ бæхтæй куд æрхизтәнцæ, уотæ ба сæмæ Камбæдати фæсæвæд мулдзугути гобати бунай исгæппитæ кодтонцæ, сæ нимæттæ, сæ топпитæ, æндæртæ син зæнхи бунмæ нийистонцæ, уæдта син дуар исигон кодтонцæ 'ма син сæ бæхти дæр æма сæхе дæр уордæмæ никкодтонцæ" («Пошли они по борозде и добрались до муравейника. Остановились там, как и было им сказано: только стали слезать они с лошадей, как из-под муравейника повыпрыгивала к ним молодежь Камбадата, забрали их бурки, ружья и прочие [вещи] под землю, затем открыли двери и завели туда лошадей и самих [нартов]») [7, с. 448]. Возможно, в эпосе существовало прямое отождествление малорослых подземных жителей с муравьями, что в известной степени подтверждается и теми их свойствами, которые определенно соответствуют «муравьиным»: они малы, но обладают невероятной физической силой и ловкостью [7, с. 24, 31, 40-41], мудры и проницательны, способны даже читать мысли [7, с. 8, 11], но в то же время вспыльчивы, гневливы и не терпят обиды [7, с. 5, 6, 9].

Надо полагать, не случайно мотив обиды, наносимой маленькому персонажу, связан здесь именно с матерью Батраза. Она (как и весь её род, отличающийся благочестием) не выносит ни малейшего упрёка, крайне гневлива и своевольна. Поэтому для Хамыща главное условие счастливой семейной жизни – не обижать никоим образом свою молодую жену и оградить её от насмешек, что по существу означает (и в текстах об этом прямо говорится) полную изоляцию от нартов, известных своим острословием. Все эти трудности, однако, не пугают Хамыща, и не удивительно – его молодая жена столь прекрасна, что ночью от её сияния спальня озаряется дивным светом [7, с. 20], а кроме того, он небезосновательно надеется, что женщина из такого могучего, хотя и малорослого, племени подарит ему славного наследника [7, с. 5, 12, 19]. Хамыщ укрывает жену в медной башне, откуда она никогда не выходит, но всё же обида настагает малорослую красавицу, и она вынуждена навсегда покинуть мужа [7, с. 6].

Ж. Дюмезиль справедливо определил значение этого мотива как «запрет Мелюзины» [5, с. 135]. Однако в средневековой европейской мифологии фея Мелюзина запрещает мужу видеть её в определённые дни лишь потому, что в эти дни она превращается в змею [12, с. 136-137], в то время как запрет жены Хамыща касается недопустимости насмешек, упрёков и оскорблений в её адрес, чаще всего связанных с её малым ростом. Поэтому нельзя не согласиться с мнением К. Вьеля о том, что узкий термин «мелюзинный» не охватывает всех элементов данного мотива [1, с. 188] и, в частности, раскрываемую в этическом ключе бинарную оппозицию «малый – большой».

В большинстве вариантов злокозненный Сырдон обнаруживает жену Хамыща (в башне, дома или на пиру в потайном кармане Хамыща) [7, с. 21, 22, 35, 37] и высмеивает её

перед нартами за малый рост или другие недостатки [7, с. 6, 9]. Арсенал его остроумия и унижений разнообразен, но мы особо отметим один вариант, в котором Быщенон, так же как и валакхильи в приведённом эпизоде из «Махабхараты», из-за своей малости не способна преодолеть незначительное препятствие, и подвергается за это уничтожающим насмешкам Сырдона: «Уыдисны йæ дæргъ у, уылынг йæ уæрх у, уисойы сæрты ахизын нæ фæразы» (Высота её – четверть, ширина – пядь, не в состоянии [она и] через метёлку перешагнуть) [7, с. 15]. Для нас важна суть происходящего: обида Быщенон – это всегда следствие её обнаружения, снятия покрывала тайны, если угодно, разоблачения, словом, лишения того укрытия, в котором она пребывала.

Во многих вариантах жена Хамыца днём скрывается под обликом лягушки, а ночью становится прекрасной девушкой [7, с. 20, 29, 34, 43-44, 55, 58, 71]. В двух случаях лягушачья оболочка (или «черепашья рубашка») и является её главным и настоящим укрытием, без которого она не может жить на земле [7, с. 34-35, 588]. Рассматривая этот нартовский мотив, Кристоф Вьель точно определяет его суть: «Недопустимо, чтобы её «раскрыли», лишив покрывала, или просто увидели» [1, с. 188]. Сырдон [7, с. 6], а в другом случае – Хамыц [7, с. 588], лишают несчастную этого покрывала, и она вынуждена вернуться в отеческий дом.

В «Махабхарате», как и в нартовском эпосе, мотив обиды маленького персонажа напрямую связан с рождением великого героя: по молитве обиженных валакхильев на свет появляется Гаруда, так называемый «Индра пернатых» [6, с. 98-99], а беременная жена Хамыца после нанесённой ей обиды перемещает зародыш на спину Хамыца, откуда вскоре и рождается непобедимый стальной Батраз [7, с. 6, 9, 15, 21, 23]. Оба несут на себе отпечаток драматических обстоятельств своего рождения. Оскорбление, так или иначе повлиявшее на их появление на свет, очевидно, определило то огромное значение, которое отводится в их героических деяниях совершению мести. Гаруда мстит нагам (змеям) за свою мать, Батраз – мстит за отца, хотя, как мы знаем, у него могут быть претензии к нартам и за трагическую судьбу своей матери. Нельзя не упомянуть одну довольно специфичную черту, сближающую Гаруду с Батразом. Гаруда – противник нагов и их поедатель. Похожая «гарудинская» черта, правда, без такой же мотивировки, прослеживается эпизодически и у Батраза, которому также приходится иногда по злому умыслу противников поедать пресмыкающихся: «Стæй сæм мидаемæ хæжармæ башыди æмæ йæм жæбидыр радтой. Залиаг кæлмытæ жы ныппæрстой, æртæ залиаг калмы, æмæ йыл ысхæшыди Батраж æмæ йæ банызта. Æмæ сын журы: “- Бас кæм уа, уым туратæ дæр ваййы”. Уыдон афтæ æнхæлдтой кæлмытæ аныхъуырдта æмæ йæ амаржысты. Уый растад æмæ рафардæг» (А после зашёл к ним Батраз, и они ему поднесли турий рог. Бросили они туда залийских змей, трёх залийских змей, но

Батраз принял этот бокал и выпил его. И говорит им: “- Где бульон, там и куски мяса [попадаются]”. Они думали, что он проглотит змей и они убьют его. А он поднялся и ушёл оттуда) [8, л. 91].

Подведём итог. Мотив обиды матери Батраза и её ухода от мужа, хотя и весьма близок к мотиву «запрета Мелюзины», распространённому в европейском фольклоре, тем не менее, несёт в себе архаичные черты, которые находят соответствия в ведийской и постведийской мифологии грозового бога Индры: нарты (Хамыц или Сырдон) наносят оскорбление матери Батраза из рода малорослых жителей подземного мира, имплицитно соотносимых с муравьями, так же как Индра наносит обиду муравьяхе или (в эпосе) мудрецам-карликам, трактуемым как вариация муравьёв.

Хотя здесь и не прослеживается совпадение ролей Индры и Батраза, важен факт включённости данного мотива в представления об этих родственных грозовых персонажах. В обоих случаях обида, наносимая малому созданию, приводит к рождению великого героя и в мифологическом смысле представляет собой этическое переосмысление бинарной оппозиции «малый – большой», составляющей основу значительного числа архаичных мифов.

Список литературы

1. Вьель К. Осетино-арийский героический мифоцикл // Эпос и мифология осетин и мировая культура. – Владикавказ: Ир, 2003. – С. 160-195.
2. Гринцер П.А. Валакхилья // Мифы народов мира. - М.: Советская энциклопедия, 1991. – Т. I. – С. 211.
3. Дарчиев А.В. Батраз-муравей (об одном мотиве осетинской нартиады) // Известия СОИГСИ. - Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – Вып. 7 (46). – С.28-39.
4. Джыккайтты Ш. Рагон ирон цард æмæ адæмы зондахаст. Миф. Фольклор. Æгъдау. – Дзæуджыхъæу: ЦИПУ-йы рауагъдад, 2009. – 264 ф.
5. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. – М.: Наука, 1976. – 277 с.
6. Махабхарата. Книга первая. Адипарва. – М.: Ладомир, 1992. – 736 с.
7. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. – Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфон куыстуат, 2005. – Ч. III. – 712 ф.
8. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Ф. Фольклор. Оп. I. П. 61. Д. 177.
9. Невелёва С.Л. Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон). – М.: Наука, 1975. – 120 с.

10. Смирнов Б.Л. Симфонический санскритско-русский толковый словарь Махабхараты [М.,2007].URL:http://nirmalayoga.ho.ua/materials/Sanskrit_Simfonicheskijslovar'_Smirnov.pdf (дата обращения: 11.11.2013).
11. Топоров В. Н. Сравнительный комментарий к одному мотиву древнеиндийской мифологии – Индра-муравей // Древняя Индия. Историко-культурные связи. – М.: Наука, 1982. – С. 327-341.
12. Юсим М.А. Мелюзина // Мифы народов мира. М: Советская энциклопедия, 1992. – Т. II. – С. 136-137.
13. Der Rig-Veda. Aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt und mit einem laufenden Kommentar versehen von K.F. Geldner. – Cambridge: Harvard University Press; London: Geoffrey Cumberlege, Oxford University Press; Leipzig: Otto Harrassowitz, 1951. – Т. III. – 422 p.
14. Gubernatis A. de. Die Thire in der indogermanischen Mythologie. – Leipzig: Verlag von F. W. Grunow, 1874. – 675 p.
15. Ludwig A. Commentar zur Rigveda-Übersetzung. Prag: F. Tempsky. – Leipzig: C. Freytag, 1883. – Teil II. – 645 p.

Рецензенты:

Кобахидзе Е.И., д.и.н., доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.

Дзаттиаты Р.Г., д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела археологии ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.